
Иван БЕСКРОВНЫЙ

РАССКАЗЫ

ДУБ АРТЕМ ВОРОБЬЕВ

1

Гул нарастал; и следом: бурление, мычание, сдавленный стон — все надвигалось — необратимо, как гроза. И прорвалось — обрушилось жадными глотками воздуха.

Артем вынырнул — стянутая резиной голова показалась на середине дорожки.

— Ну почти, почти! — крикнул Пресняков с тумбочки. — Держи тело под водой-то! Так тебя и тянет на поверхность! Ничего тут интересного нет!.. Можешь еще попытку, время есть!

Последние минуты Артем отработывал прыжки. Мечтал проплыть под водой два бассейна. А еще любил разглядывать выложенное плиткой на дне дерево. Какое-то мифическое, нездешнее, витиеватое, со странными желтыми плодами. Будто только ради того и нырял — побольше разузнать о покоящемся растении. Артем скользил вдоль ствола вниз, путался в корнях и обратно вдоль ствола... Но так ни разу и не добрался до пушистой кроны.

— Ты давай, давай, поднатужься! — советовал инструктор. — Почти же! Давай на исходную!

— Не, Семеныч, я если поднатужусь, — Артем пытался восстановить дыхание. — Тебе потом воду сливать... Меня вылавливать. Как-нибудь в следующий раз...

Артем зацепился за бортик. Нога нащупала врывающийся в бассейн поток очищенной теплой воды. Сразу перехотелось вылезать. Висел бы и висел — тепло от ног поднималось выше, разливалось по телу, а тело словно застыло в невесомости — в каком-то первичном бульоне, утробе великой матери...

— Ну, вылезашь, нет? — инструктор тянул руку; другой хватался за поясницу. — Давай, а то не разогнусь.

— Семеныч, ты мастер спорта!

Артем выкинул из воды руку, но Пресняков убрал свою. И вновь подводное царство, вновь дерево — только теперь словно в тумане; и неприятно кольнуло слева под ребрами. Слышалось приглушенное бормотание, смех Семеныча и привкус хлора во рту.

Артем вынырнул; на старом электронном табло — зелеными палочками — девятое сентября, раннее утро: начало восьмого.

— Ну, как заново родился, правда ведь?! — смеялся Семеныч.

Иван Бескровный родился в городе Владимире в 1991 году. Окончил Владимирский государственный университет по специальности «Радиотехника» и магистратуру филологического факультета СПбГУ. Печатался в сборниках рассказов издательств «РИПОЛ Классик» и «Астрель-СПб», в 2022 году стал победителем конкурса рассказов и эссе «Чтения со смыслом». Живет в Санкт-Петербурге.

— Не думаю, — Артем наконец-то вылез. — Будто бы наоборот... Вот ты знаешь, Семеныч, что японцы считают возраст — не как мы — а с момента зачатия?

— Да что нам эти японцы!

— Я просто подумал, может, и смерть тогда в другом месте?

— Ой, все, пшел под душ! Утро не место для этого мудрячества!..

Под душем Артем стянул с головы резиновую шапочку — рассыпались густые черные волосы — и долго стоял под плотной струей воды; затем голый — к шкафчикам. На некоторые кто-то прилепал наклейки со зверушками. Артему достался чернящий ворон с большой «В» над хвостом; и пока он в одних трусах разглядывал птицу — в раздевалку вошла женщина.

— Это мужская, — сказал Артем. — Это не женская.

Девушка остановилась; казалось, она не понимала сути претензий. Так они и стояли, смотрели друг на друга: едва одетый Артем и совсем неголая девушка.

— А, ну извините! — сказала она спустя какое-то время. — Бывает, подумаешь, ничего страшного!

Развернулась и вышла.

— Подруга твоя? — в раздевалку зашел Семеныч. — А ты чего так рано-то сегодня? В такую рань обычно никого.

— Работа, — ответил Артем и натянул правую штанину. — Иначе не успею, — затем левую.

— Ну да, да, — Пресняков присел на лавочку между шкафчиками. — Деловые все нынче. А у меня тут работа не пыльная. Если кто, конечно, тонуть не вздумает. Но такого еще не было.

Артем продолжал одеваться: футболка, рубашка, носки.

— Хотя был один, — продолжал Семеныч. — Или одна, не помню. Одна, да — она — женщина. Точно, еще волосы у нее такие необычные были — какого-то мучного цвета. И нормально так плавала, я тебе скажу; только вот раз вылезать стала и поскользнулась, что ли — ну вот почти как ты сейчас, — и в воду спиной нырк, и задрывалась, как котенок. Я сперва гляжу, думаю, ну сообразит же, наверное, сама вылезет, но — нет, паника. Паника в воде — дело последнее. Не хочешь утопнуть — не паникуй; а разве что действительно утопнуть решил — тогда все правильно, паникуй. Короче, пришлось вытаскивать. Больше я эту барышню, кстати, не видел; озлобилась, что ли... А чего это у тебя?

Семеныч кивнул на пакет под лавочкой.

— Саженец, — Артем скрипнул тапкой. — Дуб. Мне после работы в деревню. У отца проблемы с глазами... Заодно там и высажу. По весне воткнул вот сдуру желудь в горшок, а он пророс. Вот чтоб не мучился...

Артем заглянул в пакет. Из рассыпчатой влажной земли торчал крохотный дубовый саженец.

— Ты смотри, чтоб никто не увидел, такое сюда нельзя. Санитария!

— Семеныч, — Артем завязал узлом ручки пакета. — Ты не знаешь, что за дерево на дне бассейна выложено? Сколько ныряю, никак не пойму.

— А шут его знает! Я в такие вещи жизнью не посвящен, да и не лезу. Он же, бассейн этот, раньше при школе был. Школа тут стояла. Так что должно быть что-то скажочное, я думаю, или как его... Миф! Мифическое! Дети же.

— Наверное.

— О-о-о-х, — Семеныч поднялся, разогнулся. — Грозу сегодня передавали, вот чего спину-то и тянет. Хотя какая гроза — небо чистейшее, да?! Ладно, лесник, — инструктор протянул руку. — Бывай. Отцу привет. Ждать тебя на будущей неделе?

— Как раз собирался оплатить, — Артем протянул руку в ответ. — Там кто работает? Утром никого не было.

— Кошечкина сегодня, кто ж еще! Ты лет через сто приди — ее смена будет, не ошибешься! Давай! Я понедельник-среда-пятница, как обычно.

Пресняков кивнул, поднял руку на прощание, и Артем пошел на выход. На вход же сунулась крупная женщина.

— Ну мужская же! — крикнул Семеныч. — Мужская это! Мама читать не научила?!

— А женская где?! Нету никакой таблички!

— Ну нету, нету... А если и нету, в мужскую-то по кой черт тащиться, господи!

Женщина вышла; Пресняков следом — проверить наличие женской таблички. Но таковой действительно не обнаружилось. Артем спустился вниз. У гардероба, в кабинке за пластиковыми панелями, словно в аквариуме, восседала Кошечкина — крупная женщина с отеками на лице, будто с рождения заточенная в этой вечной сырости.

— Мне бассейн на следующий месяц, — сказал Артем. — Абонемент.

Женщина в белом больничном халате долго смотрела ему в глаза.

— Как звать тебя, помнишь? — спросила она наконец.

— А, да, да, — Артем очнулся. — Воробьев. Артем Николаевич.

На стол упала огромная бухгалтерская книга, началось перелистывание рыхлых огрубевших страниц с подтеками. Фамилия Артема долго не хотела приживаться на полагающейся ей строчке. Затем деньги, обувь, долгая шнуровка (бок продолжало предательски поклевывать) и, наконец, прохладное, солнечное сентябрьское утро.

2

Спустя час — где-то на окраине города — Артем пересекал школьный двор. Мимо пустой спортивной площадки, вдоль белых стен, обгоняя сонных детей... А иные же с визгом летели ему наперерез — как вороны, пикируя и ковыряя ноющий бок. От былой бодрости не осталось и следа.

— Куда вы? К кому?

Охранник на входе бесконечно долго вглядывался в документы.

— К кому вы? Куда?

— Артем Воробьев, компания «Г-Фест» — услуги разнорабочих, был заказ...

— Так а к кому вы? Куда надо?

— Заказ; покрасочные работы. К кому — не знаю. Указано: седьмая школа.

— Ну тогда к директору, наверное, раз покрасочные... А в пакете что?

— Дуб. Саженец.

— Его тоже сюда? Высаживать, что ли?.. Кто ж по осени сажает? Ладно.

Охранник вернул документ, достал из стола бумажку с булавкой.

— Как еще раз? Артемий?..

— Артем Воробьев.

На бумажке — кривое-косое — появилось имя.

— Вы на грудь приколите, вот булавочка. Правила такие. А эти штуки пластиковые у нас кончились... Короче, поднимаетесь по лестнице, второй этаж и направо. Там учительская — увидите, а рядом кабинет директора.

Артем приколот бумажку к груди — обыкновенный клочок в клеточку — медаль за взятие школьного фойе — и с тем пошел к директору.

— Нет, вы подпишите, кто вы есть, подпишите, — сказала женщина с порога. — Что за Артем Воробьев? Вы кто? Мы вас вызвали стену покрасить... Значит, так и пишете:

маляр. Нет, не на новой бумажке, а там же, под именем. Господи, мне мало детей бес-толковых, вы еще...

Артем взял у директрисы ручку и подписал: маляр.

— Артем Воробьев, маляр, — прочитала директриса. — Вот, другое дело. Значит так, Артем Воробьев, маляр, у нас на заднем дворе, между бассейном и правым крылом — небольшие грядки для уроков труда. И там стена — увидите — ее что красили, что нет — все равно какая-то мрачная. Видимо, место такое, сырость, черная вся стоит. И ваша задача, как бы сказать... Не просто закрасить — вы изобразите на ней что-нибудь тематическое.

— Что изобразить?

— Тематическое что-то. Включите фантазию: уроки труда, грядки, работа на свежем воздухе... Подумайте. А что это у вас с собой? Что в пакете? Кисточки?

— Нет, там дерево. Дуб. Это саженец. Мне вечером на дачу...

— Дерево, замечательно! Вот и нарисуйте нам дерево, Артем Воробьев, маляр! Только не очень мультяшное, у нас все-таки не детский сад. Это должно быть Дерево Познания, понимаете?

— Я, вообще-то, не очень хорошо рисую, — ответил Артем. — И мы художественной росписью не занимаемся.

— Ну вы что, Артем?! Дерево любой первоклашка способен нарисовать!

Раздался звонок; женщина засобиралась.

— Ступайте; переодеться можете у Юрия Ивановича, это наш учитель труда, у него же все инструменты, краска. Спускайтесь вниз, налево и по коридору до упора.

Возразить не получилось; Артем только коротко кивнул.

— Вот и славно, — сказала директриса. — И поторопитесь, сегодня грозу обещали.

Кабинет труда пустовал — Артем обнаружил его в конце темного коридора, — дверь почти что слилась со стеной, словно Юрий Иванович никак не хотел быть найденным. Пожилой мастер молча провел Артема мимо учебных станков в учительскую каморку.

— Переодеться тут, а вот, — он ткнул большим пальцем под стол (указательного и среднего у мужика не было), — краски, кисти, ацетон, стремянка.

Затем вышел; сел за учительский стол и стал смотреть в окно — на то, как не повезло какому-то классу с ранним уроком физкультуры.

Артем переоделся в рабочий темно-синий комбинезон; на левую лямку перецепил свой бедренный, по карманам рассовал кисти, взял бочонки с краской, стремянку, а дуб оставил в каморке.

Поросшие травой грядки и стену бассейна с крохотными лупоглазыми стеклами Артем нашел без труда; разглядел и другую стену — напротив, в тени — высотой с этаж, побитую не то плесенью, не то грязью, с темными кратерами и влажными разводами. Артем провел ладонью по стене — на коже остался черный след.

— Поцелуй ее еще! — раздался женский голос.

Артем обернулся. По грядкам шли старшеклассники: девочка и два парня.

— Артем... Воробьев, — прочитал парень. — Маляр. Так ты не здешний? Я думал, ты на летнюю практику забил и отработываешь теперь. Курить есть?

— Нет, не курю.

— Ну крась тогда, крась, — сказал второй парень, и зачем-то добавил: — Крась, карась.

— Крась, крась, прям по черному! — подхватила девочка. — Замазывай!

Последовал смех; и снова заныл бок. Школьники забились в дальний угол — подалее от глаз — и курили, хороня окурки в грядке под ногами. Артем разложил ин-

струмент, но то и дело косился на девочку в легкой, почти вызывающей маечке. Парни звали ее Зина, но до Артема непременно доносилось «Змеина». Левая рука ее — от плеча до локтя — сплошь в ожоговых рубцах и шрамах; точно тонкая оплывшая свеча.

Странное дело, но ее «крась по черному» Артем воспринял как приказ; не откладывая, он установил стремянку и принялся мазать стену в голубой.

— А что тут будет? — спросила девочка.

Она и внешне напоминала змею: высокая, жилистая, с тугим пучком волос. Артем представил, с какой легкостью она выскальзывает из его объятий; затем увидел ее крупные — но еще детские — зеленые глаза, и отчего-то сильнее заныл бок, словно все в тех же объятиях змеиная Зина приставила к коже нож.

Девочка оставила парней и подошла ближе.

— Так чего тут будет? — повторила она.

— Просили нарисовать дерево, — ответил Артем.

— Я могу помочь, — девочка подошла еще ближе. — Я хорошо рисую.

Она встала позади, и Артем почувствовал грубый аромат дешевого табака и как она потянулась за кисточкой: как наклонилась, изогнулась, как тонкие пальцы зацепили инструмент — словно добычу.

— Я начну рисовать тут, — сказала она. — Как закончишь — присоединяйся.

Зина присела и начала рисовать корни — упругие, вырывающиеся из самой земли, извивающиеся, как змеиный клубок; затем перешла на ствол — ровный, массивный, крепкий. А когда Артем закончил с голубым небом — почти синхронно они взялись за крону: пышную, едва не перекрывающую синеву неба. До самых высоких ветвей девушка не доставала, и макушку дерева Артем заканчивал сам.

— И пускай будут яблоки, — сказала Зина.

— Яблоки?

— Ага.

— На яблоню это не похоже. Это дуб, скорее.

— И что? Пусть будут. Какая у тебя еще краска есть?

— Желтая. Для солнца, наверное...

Где-то в здании пробудился звонок; он надрывался, распирал школьные стены.

— Физра закончилась; давай быстрее, — сказала Зина. — Пусть будут золотистые яблоки, не надо нам солнце. Ты видишь солнце? Нет его; гроза скоро.

Артем начал подрисовывать яблоки — поверх кроны желтые шарики — пока все дерево не усеяли десятки солнц.

— Ну вы там закончили малевать, нет? — спросил мальчишка; все это время они не прекращая курили и успели заплевать все вокруг. — Пойдем, еще переодеться надо!

— Было прикольно, — сказала Зина и бросила кисточку в траву, к ногам Артема.

Затем все трое ушли.

Артем взглянул на работу: большую часть стены по-прежнему покрывала чернь; но теперь — посередине, в человеческий рост — на фоне голубого неба сияло их дерево. Оно словно рассеивало...

— Итак, Артем Воробьев! — раздался еще один женский голос. — Как у вас здесь дела продвигаются?

Мужчина обернулся, а бодрый директорский шаг дрогнул на подходе. Теперь женщина приближалась осторожно, словно испуганный зверь, будто увиденное способно было ожить от резкого движения.

— Матерь божья... Что это?

— Яблоня, — ответил Артем. — Хотя больше похоже на дуб, конечно.

— Это же никуда не годится, — сказала директриса. — Что это такое? Вы где такие деревья видели? Я вас спрашиваю. Ну, где?! Это и не яблоня, Артем Воробьев, и не дуб! Это черт-те что! Порнография какая-то, прости господи, честное слово!

И опять не получилось возразить. В общем-то, за исключением порнографии, директриса была права. Получилось черт-те что. Почти как рисунок на дне бассейна — такой же несуразный, угловатый и не от мира сего.

— И что это за желтые пятна?

— Это яблоки.

— Яблоки?.. Бога ради, нет, это никуда не годится. Переделывайте! Переделывайте, пока никто не увидел. У нас тут, позвольте, не уголок свободных искусств. Это школа! И почему остаток стены черный?.. Почему сперва черноту не убрали?!

Артем взялся за кисть, но как и что необходимо переделать — он отчаянно не понимал. Чем не дерево? Почему не яблоки? И чернота... Черноту он вполне мог закрасить — только с ней как будто лучше.

— Я предупреждал, что рисовать не очень... — сказал Артем. — И уже, наверное, не успею. У меня другие заказы... Я не рассчитывал, что придется рисовать...

— Да что же вы все, смерти, что ли, моей хотите?! — директриса хлопнула себя по ногам. — Убирайте яблоки! Хотя бы их! И на том разойдемся! Стирайте!

Артем взялся за кисть, окунул в зеленую... И вспомнил девочку. Худую, гибкую, как змею; и с ожогом, от которого не отвести глаз. И отложил кисть.

— Нет, простите, я не буду, — сказал парень. — Пусть так остается. Если что — можете не платить. Или трудовика вашего, как его... Юрия Ивановича попросите, он закрасит. А мне надо...

Артем засуетился, похватал банки, распахал по карманам кисти, попутно измазав желтым синий комбинезон.

— Да что же за работники такие пошли, етить ваши души! — кричала директриса. — А ну оставь все, положи назад! Кому говорю! Положи! Сама замажу! И о толковой работе можешь не мечтать — уж я сообщу куда надо — считай на пенсию...

Но Артем не дослушал — он сбросил весь инвентарь и уже спешил в кабинет труда за дубом и одеждой. И только краем глаза, огибая угол школы, заметил, как под тяжелой рукой директрисы желтые яблоки превращались в грязное месиво; бок безустанно пульсировал.

3

— Артем — мы семья! — твердил Новоселов. — Семья! И клиенты тоже должны себя чувствовать частью семьи! А ты там что учудил? Чего она звонит мне и орет?

— Я ее предупредил, что художественной росписью не владею, — ответил Артем.

— Не владеешь... Но убегать-то зачем? Подрисовал бы ей там, чего просит, поговорил, в конце концов, ну сгладил бы конфликт, ё-моё! Я тебе специально других заказов не ставил! Эх... Ну что с вами такое? Ну повзрослейте уже! Опять мне все улаживать! Артем Воробьев, маляр...

Начальник махнул рукой.

Офис «Г-Феста» стоял в глухой промзоне среди ангаров, пыли, бочек, разбитых дорог и вечно разлитой солянки — район тот справедливо называли «Ямой»; да и сам «офис» — одно название — на деле обыкновенная бытовка. Клиенты сюда, понятное дело, не заходили, а если и обращались, то предпочитали решать вопросы удаленно. Вот один Новоселов тут и обитал: принимал заказы, оформлял материалы,

распределял между рабочими, а те только и мотались с места на место. Какая, к черту, семья?

Артем подсел за стол к начальнику.

— Тимофей Иваныч, мне, наверное, небольшой отпуск потребуется. Я сегодня к отцу еду, — Артем зачем-то продемонстрировал пакет с дубом. — С глазами у него проблемы, думаю, какое-то время придется работу по дому на себя взять.

— Работу по дому... — бормотал Новоселов и перекладывал бумажки — тасовал их, словно колоду карт. — Работу по дому, отец... Это не школы красить, да? Все повзрослому...

— Какие-то, может, срочные заказы у нас есть? Я бы сегодня...

— Чего? — начальник оторвался от бумаг. — Заказы? Да нет, нет, ты что — ты нас видел? После твоей директрисы у нас больше никаких срочных заказов!

Артем напрягся, уже привычно кольнуло в бок, но Новоселов заржал.

— Да расслабься ты! Ступай, куда тебе нужно, Артемка. Я все заказы на Козлова переведу, а то он что-то расслабился... Представляешь, поехал вчера в детский сад «Ковчег» (вот додумались тоже детский сад «Ковчегом» назвать, да?) — отмостку им надо было сделать. Так он, понимаешь, опалубку сделал, бетон залил — и спать под грибок деревянный улегся.

— И уснул, что ли?

— Да хрен бы с ним, если б уснул! Дети в бетоне застряли! На прогулку их вывели — а они давай по опалубке бегать и влипли! Козлова, значит, воспитатели ищут, а дети рядком вдоль стены стоят и пошевелиться не могут!

— Благополучно в итоге?

— Ну как... Пяток пар детских ботиночек придется возместить, очистке не подлежат, а какие-то вообще в бетоне остались. Ну ничё, крепче будет! Короче, пусть Козлов теперь отдувается, восстанавливает репутацию.

Артем поднялся.

— Тогда я, что... Могу идти?

— Ступай, ступай, — Тимофей Иванович вновь зарылся в бумаги. — А хотя постой! Есть у меня для тебя одно дельце все-таки! Ты ж не прям сильно торопишься?

Артем вернулся на место; пакет с дубом тоже вернулся на место — под лавку, между ног.

— Мне жена сейчас детей привезет, — Новоселов смотрел на часы. — Надо ей куда-то, оставить не с кем. А мне бы тоже отъехать, да и в школу заодно заглянуть — косяк через коньяк заглядить... Твой косяк, Артемка!

— Да, да...

— Последись за ребятней? Они спокойные, просто гляди, чтобы куда не провалились. А мы недолго, жена прям с минуты на минуту...

Артем кивнул и пошел на выход, Новоселов тоже кивнул и вернулся к бумагам.

Погода портилась: зрела гроза.

Артем присел на покрывку и только теперь заметил, что пакет с дубом все еще завязан узлом. Задохнулся, должно быть. Он открыл пакет — листья молодого дерева поникли, пересохла земля; Артем вернулся в бытовку.

— Тимофей Иваныч, где тут воды раздобыть?

— Воды, воды... — Новоселов не отрывался от бумаг. — Воды... Вон же кулер стоит, ты чего?

— Да не, мне для дуба, технической, не питьевой.

— А чего твой дуб питьевой, что ли, не достоин?

Артем пожал плечами — мало ли, набрал воды и вернулся к дубу, уселся на покрывку и стал поить дерево. А пока он медленно вливал содержимое в землю, к бытовке подрулила старенькая бежевая «тойота». Со стороны водительского показалась жена Новоселова — пухлая блондинка, и тоже в бежевом. Она кивнула Артему и открыла заднюю дверь — из машины мигом вылетели два одинаковых паренька с игрушечными автоматами; настоящая облава, подумал Артем. Игрушечные дула смотрели прямо на него.

— Мальчики, — из бытовки показался Новоселов. — Я что говорил про оружие?!

— Не направлять... — отозвался один из братьев.

— Правильно. Артемка, поднимайся, — начальник подвел к нему детей. — Гриша и Гоша. А это Артем Николаевич. Николаевич же? Правильно. Слушайте его — он за старшего — у него даже вон бейджик есть!

— Маляр, — прочитал Гриша (Гоша).

— Маляр, маляр. Всем малярам... Короче, мы с мамой ненадолго отъедем. Не балуйтесь! Марин, подкинь меня до школы...

Начальник уехал, дети с автоматами бросились врассыпную — стали носиться вокруг бытовки, стрелять по невидимым врагам, падать и кряхтеть от невидимых пулевых ранений.

— Парни, вы тут будете?.. — спросил Артем. — Может, чаю хотите, воды?

— Мы играем! — Гоша (Гриша) пронесся мимо с автоматом.

— В Афганистан! — добавил Гриша (Гоша) и выпустил в кого-то вербальную автоматную очередь.

— Господи, — сказал Артем. — Откуда ж вы это?..

Но решил не мешать и скрылся в бытовке.

Время шло; дети — то тут, то там — шумели вокруг; до автобуса оставалась пара часов, а Новоселов никак не возвращался. Артем сидел за столом, покрутился на стуле, покопался в бумагах, даже домик построил из какой-то канцелярской ерунды, еще надеялся, что позвонит какой-нибудь клиент — чтобы хоть как-то скоротать время, но телефон предательски молчал.

Он уже думал подремать, как вдруг все стихло — пропали все привычные звуки. Даже бок перестал пульсировать. Артем сел прямее, напрягся: почуял неладное. И не прогадал. Мгновение спустя в бытовку влетел зареванный Гоша (Гриша).

— Он меня застрелил! — кричал мальчик.

— Я в тебя не стрелял! — кричал в ответ брат. — Я тебя спасал! Ты на вражескую базу залез, и тебя окружили! Я тебя прикрывал!

— Я сам там всех убил! А ты в меня уже стрелял!

Артем молча наблюдал за братской перепалкой и не понимал, когда, куда и какое слово ему следует вставить. И стоит ли. Но пока думал, все разрешилось само: братья расселись по углам и старались демонстративно вычеркнуть друг друга из бытия.

— Ладно, парни, это... Вы же братья... Слушайте, ругаться — это...

Артем старался представить, что сказал бы на его месте Новоселов, но в голову упрямо лезли дети, застрявшие в цементе. Тогда он решил зайти с другой стороны.

— Хотите, я вам сказку расскажу? Это сейчас... Немодно, просто она тоже про двух братьев. Мне ее мама в детстве рассказывала. Мне, как вам, было. У меня, правда, братьев не было, но... Неважно. Жили, значит, два брата. Гриша... То есть Игорь и Игнат...

— Дядя Артем, — прервал его Гоша (Гриша). — Ты же на ходу все выдумываешь, да?

— Нет, подожди, — Артем засмутился, сбился. — Я пытаюсь вспомнить. Давно ж это было! Сколько думаешь мне лет?! Так вот... жили два брата: старший — Игорь

и младший — Игнат. И любили они между собой спорить и соревноваться. Все хотели узнать, кто из них самый сильный, самый быстрый, самый умный. Пробовали они и плавать наперегонки, и кто дольше под водой продержится, и даже картины писать... И все-то у них получалось одновременно — никак не могли лучшего определить!

А еще жила в деревне старуха, и волосы у нее были цвета муки. Каждый день она наблюдала за борьбой двух братьев. И вот однажды, когда братья были поглощены очередным спором, она подошла к ним и сказала, что знает, как определить, кто из них лучше во всем.

— Как? — не удержался Гоша (Гриша).

— Кто, говорит она братьям, в самую туманную ночь сможет смолотить мне горсть муки на старой мельнице — тот и есть лучший во всем. И дала каждому брату по горсти зерна.

— Не надо было брать, — сказал Гриша (Гоша).

— Да, да, — подтвердил Гоша (Гриша). — На хрен надо...

— Не ругаемся! — сказал Артем и продолжил: — Но вы правы. Все в деревне предупреждали братьев, что со старухой связываться нельзя. Но братьев опасность только стимулировала...

— Чего?

— Только сильнее толкала на приключения. И вот дождалась она туманной ночи, выбрались из дома и отправились к мельнице. Но чем ближе они подходили к мельнице, тем сильнее сгущался туман. И в конце концов братья заплутали, а вскоре остановились на перепутье. Младший считал, что нужно идти направо, а старший — налево. Договориться у них не получилось, и каждый остался при своем.

Старший пошел налево. Во что бы то ни стало Игорь стремился найти мельницу, его не беспокоил туман, запреты и прочее — он просто хотел быть лучшим. И его желание исполнилось: из тумана он вышел прямо к мельнице. Младшего брата нигде не было; Игорь зашел внутрь, взялся за ручку и начал вращать жернова, подсыпая попутно зерна, которые дала старуха. Он понимал, что спустя столько лет борьбы победа наконец у него в руках; и вот уже заканчиваются зерна, и мука готова, да только остановиться не выходит. Ни руки, ни ноги его больше не слушались — все, что он мог — это без остановки вращать и вращать жернова...

— А что с младшим? — спросил Гоша (Гриша).

— Сгинул в тумане, — сказал Гриша (Гоша) и клацнул автоматом. — А им бы вернуться и разобраться со старухой!

— Младший брат, как мы помним, пошел направо, — продолжал Артем. — И какое-то время он тоже желал выйти к мельнице первым, но когда туман стал совсем беспросветным — единственным его желанием стало разыскать брата.

С этим намерением он оказался на опушке леса у небольшого домика, а сразу позади этого дома — росло огромное дерево, а на дереве — яркие желтые плоды, и светили они так ярко, что разгоняли туман на сотни метров вокруг. Из дома навстречу Игнату вышел старик — это был самый обыкновенный крестьянин, — и младший брат рассказал ему и о старухе, и о ее задании. Тогда старик потряс странное дерево, собрал упавшие плоды и поднес брату три яблока — каждое из них светилось ярче солнца. Одним яблоком, сказал старик, ты отделишь себя от тумана — вознеси его над головой как можно выше, и оно поможет тебе выйти к мельнице; другое съешь перед входом в мельницу — так ты перейдешь в мир скверны и найдешь брата. А последнее яблоко подели пополам — один кусок отдай брату, другой съешь сам. Так он освободится от чар старухи, и вместе вы вернетесь назад.

— Хорош... — сказал Гриша (Гоша). — Разрулил.

— Младший брат поблагодарил старика и, подняв высоко над головой яблоко, отправился в обратный путь. Перед мельницей Игнат съел второе яблоко, а первое спрятал за пазуху...

— Куда спрятал? — спросил Гоша (Гриша).

— Под куртку, к груди поближе... Вот, и зашел внутрь.

Внутри он увидел Игоря, продолжающего вращать жернова. И тогда Игнат разломил третье яблоко — одну половину съел сам, другую отдал брату. Но стоило брату опустить жернова — как в тот же миг появилась старуха.

Она кинулась на младшего брата, схватила его и волосами цвета муки стала оплетать его руки, ноги и все вокруг — будто хотела намертво приковать его к мельнице. Старший кинулся на помощь, но никак не мог подобраться — он путался в волосах (они были теперь повсюду), — и тогда он заметил яблоко, выпавшее из-за пазухи Игната. Игорь понял, что оно волшебное, схватил его и поднял над головой. Плод разгорался все сильнее и сильнее, обжигая ладонь, но Игорь не отпускал. Свет заполнил мельницу — братья не видели ни друг друга, ни старуху — и так же резко погас. Старуха исчезла. А в руках Игоря осталось лежать самое обыкновенное яблоко.

Братья вернулись в деревню. Конечно, никакой старухи там большее не было, а их встречали как героев. И в честь своей победы, и как напоминание о том, что не следует спорить и соревноваться, они вместе посадили семечки того яблока...

— И выросло то волшебное дерево? — спросил Гриша (Гоша).

— Черт его знает... — сказал Артем. — Это время покажет, сказка на этом заканчивается. Главное, что с тех пор братья поняли, что помогать друг другу важнее!

Мальчишки молчали. За время рассказа они повыбирались из своих углов и теперь сидели рядом — на стульчиках перед столом.

— Короче, — сказал Артем, — братьям не надо спорить — работайте сообща и прикрывайте друг друга.

Мальчишки переглянулись, оба виновато опустили глаза.

— Прости, что застрелил тебя, Гош, — Гриша обнял брата.

— Сам виноват, что без тебя на базу полез...

— Чего это они у тебя обнимаются? — в дверях появился Новоселов и заржал. — Ты их на работу, что ли, принял?

Мальчишки подскочили, встрепенулись, подняли винтовки и, радостные, вылетели наружу; видать, вокруг бытовки назревал новый Афганистан.

— Чего у вас тут? — спросил Новоселов. — Гроза там идет, грохочет вовсю...

— Поцапались они немного, — сказал Артем. — Ерунда, мальчишки...

— Ну не скажи. У нас они потом пару дней молчат, есть вместе отказываются... Хрен помиришь!

— Да нет, мы за полчаса управились.

— Это как ты умудрился? — Новоселов подсел к столу. — Делись секретом!

— Да ерунда, сказка вспомнилась. Про двух братьев. Мама рассказывала... Там мораль, что не надо спорить и так далее.

— Ну ты мудрец! Тебе, может, в детский сад устроиться? Я тебя мигом уволю, только скажи! — смеялся Новоселов. — Или своих уже пора заводить, семью создавать!

— Да куда мне, — Артем освободил место начальника. — Да и есть у меня семья, Тимофей Иваныч, сами же говорили — вот мы тут все семья и есть.

— Точно мудрец! — Новоселов сел к себе. — А тебе к отцу-то не пора?

Артем взглянул на часы, тут же напомнил о себе бок. Последний автобус отходил через час. Мужчина вскочил, наскоро пожал руку начальника, схватил пакет с ду-

бом, что-то крикнул на прощание Гоше, Грише и побежал навстречу разворачивающейся грозе.

4

Силы его покидали; через черную посадку Артем несся на последний автобус — на крайнюю городскую остановку. Душил вдруг свалившийся на город зной, чернело, начиналась гроза. Земля в пакете растряслась и пересохла, поникли несчастные три листа. Артем так и не переделся: убежал, как был, в рабочем комбинезоне и с приколотой к груди бумажкой.

Остановка затерялась среди гаражей и представлялась давно заброшенной: окраина, лесополоса, да и транспорт давно ходил другим маршрутом. Но из травы торчала лавочка, а вокруг лавочки толпились люди, стало быть — в строю. Артем сел, пакет с дубом уставил между ног, опустил голову и прикрыл глаза — перевести дух, но тут же открыл.

Разбилась пивная бутылка. Артем это понял по отлетевшему к ногам горлышку.

— Осторожнее! — сказала женщина.

Мимо пробежала девочка. Артем поднял глаза — бок резануло пуще прежнего — ему еще не доводилось видеть у детей такие жирные румяна. И народу вокруг — тьма, и с лавочки не видать дороги. Все толпятся, пихаются, смотрят на мужчину, который не удержал бутылку. Артем разглядел вдалеке последний городской светофор — тот еще мгновение показывал лето, затем резко провалился в осень и заморгал. Сломался. Девочка продолжала прыгать туда-сюда по остановке.

— Осторожнее с рюкзаком-то надо, — бубнил мужчина.

Он с сожалением смотрел на темное пятно под ногами. Артем тоже смотрел на пятно — оно чудилось ему отражением неба. И такому, кажется, здесь было самое место — среди осколков, окурков, огрызков.

— Вы бы пиво свое крепче держали! — сказала женщина с ребенком. — А по-хорошему и не надо бы тут распивать... Здесь дети! А вы...

— А что я? Я со смены стою! — ответил мужчина и достал из сумки другую бутылку. — Пятница, готовлюсь!

И усталился на обесцвеченный дождем загород, в молочную пелену, где больше не различались поля, перелески, перекааты, куда юркала извилистая дорога. Женщина потупила взор, отчего-то тоже пустой и тусклый.

— Стороной, может, пройдет, — она придерживала девочку. — По реке.

— Ох, — пыхтел мужчина. — Вот не дай бог, когда я приеду в сад, мои яблочки не побагровели! Одни тут поободрать меня вздумали! Ничего, ничего... В прошлый раз не ушли и в этот не уйдут! Я для них, что ли, яблони ращу?!

Вопрос повис в перенасыщенном влагой воздухе. Спиной Артем чувствовал холод, тянуло из-за черных деревьев, густой посадки, с болотистых низин.

— Долго ждем, — сказала женщина.

Действительно долго. А ехать надо, не терпит. Отца совсем зрение подводит. Вчера звонили, говорят, едва не расшибся. Лежит теперь... В деревне таким не место, земля зрячих любит.

— Ее можно было, конечно, и в сельскую школу отдать, — продолжала женщина. — Но городская, сами понимаете... Престижнее, ухоженнее, даже вон стены расписывают!

С поребрика сорвался ворон; мужчина расхаживал вдоль черного, пористого — словно бурлящего — асфальта и потягивал пиво. А народ все подходил. В основном — ста-

рики. Выходные — все на дачи. Бабушки в свободных одеждах, дедушки сплошь в пиджаках, несмотря на жару.

— Далеко, конечно, ездить, — женщина не унималась. — Можно было бы на машине, но мы их не любим, да, Женечка? Не любим. Страшные они, да? Ну ничего, ничего, поездим автобусом...

Артем взглянул на женщину — под слоем косметики угадывались шрамы — и опустил глаза: на рабочую одежду, куртку, кеды, комбинезон. И на бедж: Артем Воробьев... А вот «маляр» почему-то поистерся. Господи, когда это было? В какой-то другой жизни.

— Едет, едет! — мужчина рядом зачем-то вскинул руку. — Вон, маленький автобус. Наконец-то!

Он тоже в рабочем наряде. Брюки, рубашка, пиджачок. Только все на несколько размеров больше, словно на торшер простыню кинули. Суховатый, высохший, потеет сильно, даже платок в ладони оставил на брюках след.

Артем посмотрел на дорогу — подгребала маршрутка. Светлый рыдван, уже битком набитый. Мучительно заскрипел на остановке, встал. О лобовое стекло изнутри стучала подвеска. Дверь сжалась.

— Последний маршрут! — крикнули из автобуса. — До утра больше не будет!

Началась давка. Мысли об отце подстегнули. Артем вскочил, схватил пакет с дубом и нырнул в эпицентр людского водоворота: пихался локтями, разгребал тела, извивался, как змея. Отовсюду летели выкрики: мама! мужчина! мудака, что ли?! Артем углядел водителя — мрачный старик с плешивой седой бородой, в грязных шортах. Бледные жилистые ноги в тапочках покоились на резиновом коврике возле педалей. А выше пояса — голо, только красный свитер на плечах. Артем протиснулся ближе, влез на первую ступеньку, сунулся в карман за купюрами и в следующее мгновение получил тычок в грудь. Решил, что какой-то пассажир не выдержал его натиска, но это оказался водитель. Старик держал в руке палку — точно швабру, только без насадки.

— Куда лезешь?! — закричал старик. — Чего такой беспокойный?! Пустите людей сначала!

Вскинул палку и еще раз двинул тупым концом Артему в грудь. Мужчина слетел со ступеньки, вылетел в толпу — толпа распахнулась — и он плюхнулся обратно на лавочку, точно и не вставал. Пакет с дубом и землей отлетел в траву. Народ продолжал штурмовать автобус. Громыхнуло. Артем вновь кинулся к дверям.

— Ну ты конь, б..., в сапогах! Чего такой невоспитанный?

От толпы Артема оттеснила грубая мужская рука. Все та же — не удержавшая бутылку.

— Как в таких случаях поступают вежливые люди? — спросил мужчина. — Они старушек, женщин и детей в первую очередь в салон пропускают, верно? Видишь, я все еще здесь, а не там.

Мужчина тыкал в переполненный автобус, но Артем не успокаивался — обогнул мужика и уверенно пошел в толпу, к открытой двери маршрутки.

— Не понимает!

Мужик схватил Артема за плечо, развернул и отбросил к лавочке.

— Слушай, подожди свой автобус, а?!

Но Артем не слушал и сделал последнюю попытку уехать из города — оттолкнулся от лавочки и кинулся вперед в надежде сбить мужика с ног... Но наткнувшись на него, замер. Вдалеке раздался не то раскат грома, не то вороний крик. А боль в боку, что беспокоила его весь день, вдруг успокоилась. Мужик с пивной бутылкой стоял рядом — только теперь бутылка (на деле — всего лишь осколок) торчала из его кулака, как нож.

Люди продолжали исчезать в автобусе — теперь слаженно, без заминок, шаг в шаг, все до единого, и никто не обращал внимания, как аккуратно, придерживая «розочку» от пивной бутылки, Артем опустил на лавочку.

Мужик же вытер об штанину ладонь и преспокойненько сел в автобус. Старик сразу же ткнул куда-то черенком швабры, и дверь с шумом схлопнулась. Медленно, тяжело маршрутка начала набирать скорость. И вскоре исчезла. Остановка опустела, ветер усилился.

Артем опустил руки, голову, прикрыл глаза.

Осколок выскользнул из окровавленной дыры в комбинезоне, сделал кувырок и звонко шлепнулся о землю. Артем открыл глаза. Протянул руку к пивному горлышку, поднял, покрутил в руках, немного посидел, затем поднялся и отыскал в траве пакет с покалеченным саженцем. Там же опустил на колени, примял траву и трижды проткнул землю окровавленным осколком. В ямку приладил дуб, присыпал землей и всяким сором. Затем оторвал от комбинезона бейджик и прицепил к листу — Дуб Артем Воробьев, а после вернулся на лавочку.

Душный и пыльный город готовился к грозе. Бок больше никто не клевал, только комбинезон чуть почернел. По телу разливалось знакомое, родное тепло; невесомость, первичный бульон, утроба великой матери... Так бы сидел и сидел, вечно пребывал... Только не выйдет, соврал старик: следующий автобус прибудет уже с минуты на минуту.

И только потом — гроза.

ПТИЦА В ХОРЕ

— А во-вторых, — крикнул Волгин. — Его сам Мравинский учил!

Но мальчика уже никто не слышал: хористы разбрелись — хандрил опустевший советский ДК. Волгин задрал голову — хлопнуло окно второго этажа. Еще мгновение в нем угадывалась уродливая люстра над зрительным залом, а следом — судорога шторы — и на черном стекле расплылось акварельное пятно октябрьской осины.

Мальчик спустился с крыльца и пошел вдоль рассыпающихся беленых стен, издохших цветов и кустарников — за угол, на рябину, втирая в землю оранжевые бычки — к окнам небольшой каморки. Именно в ней Роман Георгиевич Струнин преподавал им хоровое искусство и теорию музыки.

— Роман Георгич! — в окно ударила красная россыпь ягод. — Роман Георгич! Это Волгин!

На третий залп окно распахнулось.

— Волгин! — крикнул Струнин. — Ты совсем обнаглел?! Окна решил повыбить? Еще и рябину пообдирал, лоботряс! Я матери твоей...

— Роман Георгич, — перебил мальчик. — Матери не надо... Научите меня баяну!

— Какому баяну?! Какой тебе баян, когда ты даже элементарное не в состоянии усвоить! Ну хорошо, еще раз — ответь мне, ка...

* * *

— Какой вид имеет наш хор? — Струнин стучал по столу дирижерской палочкой. — Отвечаем, отвечаем, не молчим!

Каждое занятие хормейстер начинал одинаково, каждую неделю школьники слышали один и тот же вопрос. И каждый раз — кто во что...

— Вокально-хоровой ансамбль!

— Мальчиков!

— Учебный!

— И что забыли? — подсказывал Струнин. — Учебный вокально-хоровой ансамбль мальчиков...

— Балалай Георгича!.. — обязательно доносилось с последней парты, и взрыв хохота прерывал занятие.

— Волгин! — Струнин тяжело поднимался. — Опять ты... Глаза б мои тебя и уши... Вон из класса! Весь в отца!

— А что в этом, собственно...

— Вон!

Впервые об этом чудном старике мальчик узнал именно от отца. Много лет назад, осенью, но все там же: у лавочки, под рябиной — аккуратно между ДК и пивларьком, где обычно «заседали» местные мужички. Их собраниям вечно недоставало музыки, а Волгин с отцом постоянно ходили мимо.

— Володька! — кричали они.

— Давай к нам!

— Музыкаки недостает!

— Хватай баян! Всего одну блестящую мелодию!

И отец не мог отказать: «Этот контингент здесь важнее сельсовета». Затем садился, вешал баян и начинал наигрывать, а потом и напевать что-то обязательно блатное, хулиганское. Мальчику казалось, что никто на всем селе не знал инструмент лучше отца. Пока однажды из окна второго этажа Дома культуры не показалась голова сидящего Струнина.

— Володя! — крикнул отцу хормейстер. — Владимир Иванович!

Песня оборвалась, компания глянула выше.

— Ну что тебе?! — сказал отец. — Чего ты там?!

— А ты не слышишь?! Ты всю музыку мехом рвешь!

— Чего это?!

— Ну длинная же нота! Куда ты на длинной ноте мех меняешь! Не обрывай! Плавнее!

— Да иди ты, Георгич! Не зуди консерваторией!

И снова затягивал блатную-хулиганскую.

— И сядь правильно! — надрывался Струнин уже сквозь музыку. — Куда у тебя инструмент по ногам елозит?!

Волгин помнил и отцовские концерты на семейных праздниках: когда, упившись, все вываливали во двор и отец заводил коронную «На горе колхоз, под горой совхоз», перед воротами собиралась толпа, все пели, пили, веселились, и только одинокий Струнин тихо стоял в стороне.

— Георгич! — кричал отец. — Что говорит консерватория?!

— Омерзительно! — отвечал Струнин, и все хохотали.

Но вскоре отец погиб — пару лет назад, и снова в осень — во время ремонта на фабрике. Вызвался помочь — подкалымить — да сорвался со строительных лесов. И хоронили его все те же мужички, которым он ни разу не отказал в блестящей мелодии...

А спустя год мама привела Волгина в хор, привела, когда тот едва выкарабкался из начальной школы.

— Хор — это дисциплина! — говорила она по пути в ДК. — Да и пора бы тебе уже чем-то заняться. Все к пятому классу ходят в какие-нибудь секции, кружки... А ты у меня что?

— Что?

— Опоздун какой-то, прости господи... Заходи.

Романа Георгиевича они нашли на втором этаже, в учебном классе — скрюченно-го, в сером пиджаке на бесцветный свитер — протирающим черно-белые портреты только ему известных людей.

— Здравствуйте! — сказала мама.

Рука Струнина замерла над рамой — пару раз дрогнула — и вновь принялась натирать чье-то лицо.

— Здравствуйте! — повторила мама. — Мы в хор записаться.

Учитель бросил портреты, повернулся, кивнул и замер, поглядывая поверх очков.

— В хор записаться! — повторила мама. — Нам сказали...

— Подождите, подождите, милая, — Роман Георгиевич положил тряпочку на стол. — Кто вам сказал?

— Так в школе им вот...

— Подождите, подождите, нет! — хормейстер повысил голос. — Кто вам сказал?!

— Учительница...

— Кто она, учительница ваша?! Она в комитете по культуре, может, работает?

— Нет.

— Может, она заведует нашим Домом культуры? Опять нет! Вы бы сначала, милая, пришли, поинтересовались: Роман Георгиевич, есть ли у вас свободные места в хоре? Взяли моду! С порога! Запишите, запишите! А лет вам сколько? Группы, милая, по возрасту набираются, по диапазону, по силе голоса! Вот он, допустим, тенор... А нужны ли мне теноры в хоре?!

Мама не знала, нужны ли Струнину теноры, поэтому молчала.

— Не знаю, не знаю, милая, — старик присел. — А он что? Одарен?

Волгин хотел было ответить, что вот он, как на духу, Одаренный Опоздун. Но не успел.

— Ой, Роман Георгиевич! — воскликнула мама. — Постоянно поет!.. — призадумалась. — «Агата Кристи» ему нравится!

— Ну, что мальчик читать любит, это похвально, — ответил Струнин. — А как у вас со слухом?

— Слышит! Слышит! — не унималась мать. — Вы возьмите его, Роман Георгиевич! Весь в отца же, тот вон как на баяне... Вы же Володьку моего помните?!

Струнин глядел на мальчика: кедики, джинсики, толстовочка — черная и со скелетами в огне.

— Я, милая, мог бы в Вене дирижировать, — сказал он и опустил голову. — Сам Мравинский меня в Ленинграде учил. Так и в хоре у меня детки — все как один для музыки рожденные. Да и по программе мы далеко уже...

— А я слышала, что у вас недобор, — сказала мать и пихнула сына навстречу хормейстеру. — И никаких занятий еще не было.

Струнин поднял на нее взгляд, Волгин тоже. Затем Роман Георгиевич воткнулся ладонями в колени, разогнул спину, разогнул ноги, встал.

— Ничего не обещаю, — сказал он и вышел из класса.

— Иди, иди, — подталкивала мама.

И Волгин пошел следом — через зал, поглядывая на странную люстру, на диковинный агрегат на сцене, напоминающий лестницу, даже остановился, присвистнул. Струнин же уселся в первом ряду, чуть бочком к сцене, мама осталась в дверях.

— А почему окна зашторены? — спросила она. — Темно же.

— Милая, это храм искусств! Вы в каком-нибудь храме распахнутые окна видели? Давай, — махнул он Волгину. — На сцену. Исполни какой-нибудь куплет.

— Куплет?

— Песня какая-нибудь любимая есть у тебя?

Мальчик кивнул и забрался на сцену. Помялся, попереминался с ноги на ногу, вдохнул и пролаял:

Ты убила все свои игрушки!
Ты закрыла маме рот подушкой!
Чтобы никто не выдал секрет!
Чтобы мне никто не дал ответ!

Любишь! Любишь! Любишь! Любишь...

На седьмом «Любишь» Струнин повернулся к дверям учебного класса, к матери Волгина — повернулся в безмолвной мольбе по Вене, по черному фраку, по ушедшей молодости и учителю Мравинскому. И опять к Волгину. Мальчик уже закончил перечисление «любишь или нет» и ожидал вердикт.

Струнин выдохнул.

— Омерзительно, — сказал он, поднялся и двинулся в обратный путь. — Баритон, должно быть.

Мама сразу засуетилась вокруг старика, засыпая того вопросами и мольбами. До Волгина долетали лишь обрывки фраз: «баритон», «не разочарует», «господь с вами». Сам же он остался стоять на сцене. Слева — зачехленное фортепиано, у ног — утопленная тумбочка, а позади — три ступени и перила. К нему продолжали подбираться звуки: «у нас а капелла», «не пожалеете!», «да господь с вами!». Волгин забрался на последнюю ступень станка и засмотрелся на люстру. Из-под ее уродливого пологого тела в форме церковной луковки огромными каплями — лампочки, лампочки, лампочки... Сколько их там? С какого угла ни глянь — разное количество. А где-то в глубине учебного класса сдавший учитель талдычил уже одно и то же: «Да господь с вами, пусть ходит! Пусть ходит... господь с вами! Ради искусства... Сказано — пусть ходит... Зовут-то как, напомниме? Волгин... Ах да, Волгин же, Волгин, помню, помню, Волгин...»

— Волгин! — кричал Струнин и палочкой указывал на дверь. — Я дважды повторять не буду!

— Ухожу, ухожу, — бубнил мальчик. — Чего так орать-то...

— В зале ни к чему не прикасаться!

Но Волгин пропускал это мимо ушей и первым делом задерживал шторы — чтобы невзначай не наткнуться на потухший чинарик фабричной трубы. Тот торчал над домами, ржавыми крышами, снежными крышами, среди цветущих и оголенных тополей — круглый год — все равно что злобная усмешка.

А затем бродил по залу — плотно зашторенному, с синтетическим задником горчичного цвета, со вколоченным в край сцены фортепиано, со зрительными местами, где каждое — косо, как сколотый зуб. Он присаживался, вставал, забирался на сцену, кружил вокруг хорового станка и места Струнина перед ним — подиума да пюпитра. Но, как и прежде, чаще глядел под потолок — на люстру и проклятые лампочки. Каждое занятие мальчик пытался их сосчитать.

— Волгин! — иной раз Струнин даже останавливал хор. — Ну куда ты смотришь?! Куда ты подбородок задрал?! Не понимаешь, что ли, что ты сипишь! У тебя связки

сдавливается! — дирижер вытягивал тощую шею и натирал ее ладонью. — Перед собой смотри, перед собой! Голову прямо!

Но Волгин не хотел смотреть перед собой. Он и стоять там не хотел, и сидеть не хотел, и каждый раз бродить по залу, пока Струнин кончал свою «теорию музыки», тоже не хотел. Любое дело, тянувшееся дольше десяти минут, толкало его на необдуманные поступки.

— ...Уже тогда меня звали в Вену! — из класса доносилось струнинское бормотание. — Сам Мравинский меня рекомендовал!

Все как обычно: «теория музыки» из теорий, почему Роман Георгиевич не уехал из села в Вену.

Волгин пошел на второй круг по залу. Запрыгнул на сцену, пробежал пальцами по клавишам фортепиано, затем присел за инструмент и начал выбивать примитивнейший мотивчик. А потом и запел, к несчастью вспомнив накануне увиденный фильм:

Жил на свете козел,
Не удав, не осел,
Настоящий козел
С седой бородой.

— Волгин! — от распахнутых дверей к нему бежал Струнин. — Волгин! Отойди от инструмента! Прочь! Прекрати сейчас же!

— Ну а долго вы там еще, Роман Георгиевич? — мальчик спрыгнул в зал. — Когда петь-то будем?

Из учебного класса вывалили остальные хористы.

— Действительно, Роман Георгиевич, — подхватили они. — Когда петь?!

— Вас к исполнению и близко бы не подпускать! — ответил Струнин. — Все марш в класс!

Волгин пошел за остальными.

— А вы куда, юноша? — Струнин остановил мальчика на пороге класса. — Нет-нет, останьтесь, посидите. Подумайте над поведением. Будь моя воля — гнал бы вас из хора...

— Это взаимно, Роман Георгиевич, — сказал Волгин и уселся в последнем ряду. — Будь моя воля — тоже гнал бы вас... то есть себя из хора.

Дверь класса захлопнулась. Мальчик запрокинул голову и вновь уставился на люстру, попытался сосчитать лампочки. Но в очередной раз как-то неудачно моргнул и решительно сбился.

За дверью тихо бубнилась музыка.

Волгин поднялся и подошел к окну, аккуратно — чтобы не видеть трубы — отвел занавеску, приоткрыл окно и вернулся на место; тянуло ароматом сырой земли и упревшей листвы. Мальчик смотрел на тонкую полоску неба, на крышу дома напротив, пятнистую от ярких осенних листьев, и если бы не проклятое искусство, шел бы сейчас с удочкой вдоль реки, к лесу...

— Волгин!.. — Струнин нависал над мальчиком. — Волгин! Ты спишь, что ли?!

Он и вправду задремал — разлегся на последнем ряду, сморил свежий воздух — не заметил, как закончилась теория музыки и хористы уже взбирались на сцену.

— Вы и сегодня не смогли в Вену уехать, Роман Георгиевич? — спросил Волгин и уселся ровнее.

— Юноша!

— У меня имя есть.

— Обращение по имени надо заслужить, Волгин! — ответил Струнин и направился к сцене.

Мальчик поднялся, еще раз посмотрел на чистое небо, на пятнистую осину, на суетившихся по веткам воробьев... Он уже протянул руку, чтобы вернуть «храму искусств» правильную атмосферу, но не успел.

— Волгин!

— Ну что, Роман Георгиевич?

— К станку, молодой человек! Теория теорией, а на отчетном концерте вам перед собственной матушкой выступать! — хор хохотнул. — И руководством Дома культуры! Тут на последних рядах не отсидишься! Займите свое место, будьте любезны.

Волгин оставил окно как есть и прошел к сцене, затем к своей вечной последней ступени, поставил себя с краю. Струнин перебирал материал.

— Начинаем, — скомандовал Роман Георгиевич. — Козлов, «Вечерний звон».

И вскинул руки. Хор вступил. Вступил и Волгин. Но учитель тут же замотал головой, задергал руками, и все смолкло.

— Волгин, — сказал хормейстер. — Лучшее, что ты можешь сделать для хора — просто открывать рот, понятно? Сначала!

Мальчик прибрал голос. Хор вступил по новой. За мешаниной голосов и руками Романа Георгиевича никто не заметил распахнувшегося от ветра окна, брызг солнечного света на истертый линолеум и тихо вспорхнувшего на подоконник воробья.

Смолк «Вечерний звон».

— Неплохо, неплохо, — комментировал Струнин. — Только, Волгин, перестань ногой дрыгать!

— Я такт отбиваю, Роман Георгиевич.

— Ты понятия не имеешь, что такое такт! Совсем как отец!

— Мой отец в хоре не пел, Роман Георгиевич.

— И слава богу, Волгин, слава богу! Такое бы я не пережил. Чего стоило баяну его обучить! — Струнин на секунду ушел в свои мысли. — В сторону разговоры! Дальше сложнее — Шаинский, «Аврора»!

И все как обычно: учитель вскинул руки, хор вступил. Но Волгин так и замер с открытым ртом, не придумав ответной реплики. Затем захлопал губами, как рыба, не попадая уже ни в какие ноты. А хор тужился и дружно срывался на подростковый фальцет.

На одном из таких вскриков пригревшийся на октябрьском солнце воробей перепугался и, видимо перепутав свободу с храмом искусств, солнце с поганой люстрой, рванул в зал, под самый потолок. Первым его заметил хорист первого ряда — он тут же коснулся рукой своего соседа и взглядом указал на потолок. Так цепочка дошла до Волгина. На нем же и закончилась.

— Волгин, — зашипел Струнин. — Волгин! Не отвлекайся. Внимание на руки! На меня все глаза! Второй ряд!

Роман Георгиевич впервые перекрикивал произведение, но весь хор смотрел за дирижера. И в тот момент, когда Струнин оглянулся в зал, бедная птица нырнула под купол люстры, где тут же забилась в панике, запутавшись в проводах.

Середина композиции. Прервать выступление из-за какой-то птицы Роман Георгиевич не посчитал нужным. Искусство превыше всего. Струнин, с разведенными в стороны руками, из последних сил держал хор. А под потолком лопались лампочки, летели осколки; обессиленная птица делала последние попытки спастись — но в конце концов рухнула в зрительный зал.

Хор молчал.

Роман Георгиевич опустил руки и спустился со сцены. Поглядел на люстру, отсчитал ряды и в районе пятого опустился на больные колени. Волгин представил, как маленькое тельце стиснули костлявые пальцы дирижера. Струнин поднялся, прошел к окну и, собрав последние силы, вышвырнул бедную птицу в открытое окно.

И, преспокойнейший, вернулся к хору.

— Продолжаем! Что-нибудь попроще на этот раз. Дунаевский, «Песенка о капитане». И-и-и... Начали!

Но никто не вступил. Роман Георгиевич трижды вскидывал руки в безмолвной команде и трижды опускал. Хор молчал; один только Волгин то ли по инерции, то ли в насмешку продолжал открывать и закрывать рот.

Дирижер сдался, опустил руки и долго смотрел на мальчишек.

— Вам же плевать на искусство, — сказал он наконец. — Вам это все... на х... не нужно!

— А нам и не нужно, Роман Георгиевич, — отозвался хорист с первого ряда. — Нас школа заставила.

— Да, — поддержал другой. — Для увеличения внеклассной активности и поддержки секций ДК. За хорошие оценки в четверти. А ничего ж, кроме хора, нет на селе...

Струнин медленно кивал головой. Какие из них хористы? Обыкновенная сельская ребятня, кто в чем, кто с учебы, кто с рыбалки.

— Свободны, — сказал Роман Георгиевич и вышел из зала.

Дети начали расходиться.

— На самом деле, — сказал один из мальчишек на ступенях дворца, — хор — фигня полная. Да и Струнин, батя говорил, давно глухой на одно ухо. И второе уже на подходе. Паршивый, короче, из него учитель. Уж лучше пусть пару ставят, не приду я больше. Вы со мной, пацаны?!

Ребята загалдели и двинули по домам. И только Волгин остался стоять на крыльце, позади лязгнул дверной замок. Но мальчик смотрел на огарок фабричной трубы — настойчиво, впервые не пряча взгляд — и вспоминал совсем другие слова: «Струнин — на совесть рехнутый в своей этой музыке, — говорил отец. — Только... Ну на таких все и держится!»

Волгин скользнул взглядом по трубе — сверху вниз — уперся в спины бывших хористов.

— Во-первых, — крикнул он им вдогонку, — Струнин мог бы дирижировать в Вене! А не вас, лоботрясов, учить! А во-вторых...

ТРАГЕДИЯ

Чудилась хвоя, аромат преследовал Алексея всю дорогу домой.

И вот снова — на втором этаже их деревянного барака, насквозь пропитанного винегретом из борща, мочи и табака, — чудился хвойный аромат. Алексей достал из кармана автомобильную «елочку» — сдернул в фуре, собирался выкинуть — но дело оказалось не в ней, картонка давно испустила дух.

Алексей сунул бычок к остальным бревнышкам на жестяной крышке: покурить в подъезде после рейса — давно традиция. И наблюдать через схваченное морозом окно на строящийся многоэтажный дом напротив — тоже традиция (и думать: сколько лет он строится — и будто всегда зима).

Взгляд Алексея поочередно замирал на красных, желтых, белых фонарях башенных кранов — они лучились сквозь стекло, казались звездами. Особенно нравилась красная — та, что выше остальных — она напоминала новогоднюю елку в углу комнаты на лакированном журнальном столике. И следом: как свет уличного фонаря — яркими осколками — падал на эту елку, дробленный мамиными мудреными растениями на подоконнике. А Алексей лежал напротив на старой советской софе — тоже лакированной — смотрел на эти гирлянды и засыпал; других елок он не видел. Его не водили ни в детский сад, ни в театр, ни в ДТЮ, ни в ДК — никуда, где могли слушаться новогодние елки...

Алексей прилепил химозную елочку к замерзшему окну и закурил вторую. Много ли вообще таких детей, что ни разу в жизни не бывали на елке? Его сын, например, не был.

Нужно было что-то решать. Хотя бы с той елкой, что должна стоять дома. Уже второй год они перебивались дворовой. Из окна гостиной Алексей выбрасывал связку новогодних лампочек — те сопливо повисали на дереве, а ближе к вечеру шваброй подтягивал обмерзшую вилку, протирал, сушил и втыкал в удлинитель. Затем несколько минут — пока выстуживалась комната — семья радовалась праздничному перемигиванию огоньков.

Но сын, конечно же, хотел собственную и дома — чтобы всегда в огнях, с безделушками на ветках и чтобы возиться вокруг погруженным в какую-то игру. И Алексей старался, говорил, что работает над этим. И он действительно работал — последний месяц совсем не вылезая с рейсов.

В кармане загудело. Алексей достал маленький истертый телефончик — все равно что игрушечный — экран светился ядовито-зеленым, как магический артефакт. Ладонь и запястье Алексея тоже окрасились зеленым.

— Да, — сказал он и поднял глаза на красный башенный маячок. — Але.

— Не за рулем, Леш?

— Нет, нет, отгрузился. Домой иду.

Алексей знал, что за этим последует. Тихомиров — тот еще барин, на таких работать себе дороже. То в рейс без выходных, то с тахографом помухлой, чтобы напарника не ставить; а начиналось все с «роскошного предложения».

— Есть роскошное предложение, Леш, — сказал Тихомиров. — Во-первых, у нас трагедия, Иванов — предатель, знаешь ли. Заболел, видите ли. А на меня ругаются, а мне ставить некого!

— А что везем? — спросил Алексей, а в душе выругался — нет бы сразу отказаться.

— Роскошный товар, Леш! Полный автовоз «поршей»!

— Кого? «Порш»? Автомобили? Игрушечные, что ли?

— Нет, нет, нет, настоящие! Машины, Леш, железные большие машины!

— Откуда в нашей глуши такое добро? Я их только по телевизору видел, а еще наклейки...

— Леш, это совершенно неважно. Выручаешь, нет?! Все груженое, готовое, утром документы — и в путь! А я со своей стороны обсужу с Воронцовым новогодние подарочки.

— Какие подарочки?

— Деньги, Леша! Премию! Не нужна тебе, что ли, премия?

— Нужна, конечно...

— Так что? Берешься?

— Виктор Палыч, я только приехал, хотел с семьей побыть... Они меня больше недели не видели.

— И ты туда же! Сговорились, что ли?! Ну, я тебя услышал!

И бросил трубку. Имя начальника на экране пропало, появилось время: начало десятого.

Черт с ним, подумал Алексей, трагедия у него. Но сразу же ощутил легкое брожение совести: они едва сводили концы с концами, но и с другой стороны — он почти не бывает дома.

— Какой-то замкнутый круг получается.

Алексей спрятал игрушку, докурил и пошел домой.

* * *

Жена чуть коснулась губами — будто они не виделись лишь пару часов — и тихо шепнула: «Привет». Дальше на Алексея обрушилась оглушительная немота квартиры — невозможная для места, где живет пятилетний ребенок. Темная прихожая, гостиная без света и только слабое свечение кухонной лампы... Все это напомнило Алексею детство, когда по ночам родители оставляли в туалете свет, потому что сын опасался темноты. И он шел на этот тусклый маячок, стараясь не отводить глаз, чтобы не заплутать во тьме вокруг. Но и туалет не внушал доверия — он напоминал Алексею глубокий колодец с лампочкой, а потому, сделав по-быстрому дела, он опрометью возвращался в кровать.

— А где?.. — Алексей начал разуваться, и вдруг отступила хвоя. — Спит, что ли? Я пока ехал, думал, надо на елку его сводить. Сейчас как раз эти утренники начинаются.

— В больнице он, — жена вернулась на кухню.

Алексей в одном ботинке замер посреди коридора, затем наспех стащил куртку, обувь и побежал следом.

— Что случилось?

— Да не смогла я запомнить!.. — ответила женщина и расплакалась.

Алексей наматывал круги по кухне — на деле же крутился вокруг себя. Затем угомонился, сел за стол и обнял жену.

— Почему мне не позвонила?

— У него с животом что-то, — продолжала женщина. — На операцию забрали.

Алексей чувствовал, как клеенчатая скатерть липнет к влажным ладоням.

— Я не стала тебе звонить, ты за рулем...

— Ничего, ничего, — Алексей крепче прижал жену. — Ничего. А когда забрали?

— Сегодня, после обеда. Он и не поел ничего...

Женщина комкала салфетки — одну за другой — они разлетались по столу, напоминали диковинные елочные шары.

— Он еще со среды жаловался. Я думала... Ну, может, съел что-то...

И снова расплакалась.

— Ничего, ничего...

Алексей повторял одни и те же бестолковые слова, повторял движения — иногда зачем-то поднимался и проходил туда-сюда через дверной проем — обнимал жену, прижимал к себе, трогал ее руки, плечи. По-прежнему не пахло хвоей, а в голове крутились обрывки детских воспоминаний про еловые ветки, красные сосновые крышки и дубовую декабрьскую землю.

— Нет уж, к черту! — вскрикнул Алексей.

— Что?

— Не переживай, — сказал мужчина. — Не переживай. С утра поедем в больницу, все узнаем. Сейчас он под присмотром, это хорошо. А может, все и к лучшему. Как говорят, раньше обнаружилось — раньше вылечится. Все будет хорошо. А куда его отвезли?

— В пятую. Операция вроде не сложная... Только просили что-то докупить или оплатить. Лекарства, что ли... Я не запомнила ничего!

И снова расплакалась.

— Ничего, ничего... Докупим, оплатим, что ж теперь.

Алексей осматривал кухню — искал хоть что-то, что годилось под продажу. Он всегда так делал, когда жизнь заставляла его врасплох. И последний раз — не так давно — когда сын требовал елку. Да только будь у них елка — первой бы пошла на продажу.

— Завтра с утра нужно оплатить, — сказала жена. — Этому врачу перед операцией. Он там все написал. У меня в куртке...

Алексей и теперь не решился включить свет — по прихожей он ступал осторожно, как по месту преступления. Поскрипывали половицы — те же коридорные, только чище. Из кармана зимней куртки он вытащил втрое сложенную бумажку с размашистыми заметками врача, развернул и попытался прочесть. Разобрать не получилось; разве что сумму — сумму всегда пишут разборчиво — всего чуть больше двадцати тысяч. Алексей огляделся, но продавать было нечего. Мужчина вернул записку в карман и заглянул в единственную комнату.

Силуэт сосны в окне, а у окна — табуретка и взлохмаченная постель сына. У другой стены — застеленная родительская и телевизор в ногах. А у входа, там, где могла стоять елка, сбились в кучу игрушки. Машинка-грузовик лежала на боку, ее оцепили фигурки солдат. Алексей присел. Еще одна машинка — такой он у сына не помнил, — кажется, все еще катилась вдоль плинтуса — как можно дальше от места происшествия. Тут же валялись истерзанная картонная коробка из-под обуви — наверное, чей-то дом — и маленький лего-человечек рядом. Алексей ничего не тронул. Он еще раз взглянул на комнату и будто смотрел глазами сына — его последнее воспоминание.

Алексей прикрыл дверь гостиной.

— Я покурить, — сказал он из прихожей.

Жена не отозвалась. Алексей спустился к окну — в пролет между первым и вторым — и все сначала: сигарета, вмерзшая «елочка», зеленый свет мобильного и красная звезда в небе.

— Виктор Палыч, — сказал Алексей. — У меня тут трагедия... Завтра во сколько в рейс? Я выйду.

И вскоре дал отбой. Он все сделал правильно: в больнице от него все равно толку мало. Кроме того, они и так едва сводили концы с концами.

— Действительно замкнутый круг, — сказал Алексей башенному крану и всем его звездам; убрал магический артефакт и вернулся в квартиру.

* * *

Уснуть не получилось. Страшно было проснуться от резкой телефонной трели или же, наоборот, не проснуться — проспаться; а еще — уснуть и будто бы поставить точку, во всем согласиться с прошедшим днем. Но Алексей был категорически не согласен. В пятом часу он поднялся и ушел на кухню мастерить бутерброды и снова не посмел включить свет. Нарезал две порции: на сейчас и перекусить в дороге. Потом долго сидел, жевал завтрак у холодного окна, коленями упершись в батарею, как в детстве — утром перед школой.

— Я поехал, — Алексей присел на кровать к жене. — Звони в любое время. Сразу, как что-нибудь станет известно.

Женщина кивнула. Алексей погладил ее по голове, поцеловал и вышел. На лестничной площадке по-прежнему несло борщом. Между первым и вторым этажами Алексей

не задержался — даже не заметил, осталась ли на стекле «елочка» — торопился, его давно уже ждал груженный автовоз.

От охранника стоянки Алексей получил все необходимые документы, где в некоторых местах фигурировал предатель Иванов.

— Премиум-класс! — сообщил мужик с надорванной нашивкой ЧОПа. — Не страшно?

Разноцветные запорошенные «порше», как клубок гирлянд, блестили среди декабрьской серости.

— Да уж, обычно попадаете что попроще, — сказал Алексей. — Я такие только в журналах видел. Откуда они у нас?

— Знать не знаю, — ответил охранник. — Я накануне заступил, а они уж тут. Тихомиров только вокруг носился вчера, нервничал очень, везти, говорит, некому. Развел трагедию... Вот же — на месте человек!

В кабине стоял резкий аромат от подвешенной «елочки» — Алексей поспешил тут же от нее избавиться. Аромат стих. Тогда мужчина попробовал приладить свой игрушечный телефон так, чтобы всегда видеть экран и быстро среагировать. В любую минуту могла начаться или закончиться операция. Только ничего не получалось. Телефон темным гробиком лежал перед ним на приборной панели. И уже выезжая со стоянки, Алексей понял, что не может оторвать от него взгляд.

Телефон молчал; Алексей снова и снова проверял время, проверял, не потерял ли сигнал — иначе бы поднажал, проскочил глухое место. Затем и вовсе взял его в руку, хотел набрать сам, но не решался — боялся грудью нарваться на трагедию. Так и ехал: одной рукой держал руль, другой — телефон, где не прекращая листал записную книжку, крутясь вокруг имени жены, гладил кнопку вызова... И наконец решился.

Но в ту же секунду в нос ударил резкий хвойный аромат, и Алексей растерял остатки концентрации. В зеркале заднего вида он поздно разглядел вылетевшую на обгон легковушку, а та поздно осознала масштабы автовоза и начала притормаживать. Но Алексей не понял и этого — придумал себе, что легковушке не хватает мощи, и сам начал тормозить. И все пошло наперекосяк. Легковушка заметалась — словно какой-то неугомонный ребенок тащил ее за собой на веревочке — со встречи сверкали дальним, Алексей не прекращал тормозить, будто ногу схватило судорогой, а под конец зажмурился.

Померещился толчок, и все успокоилось.

Алексей открыл глаза. Автовоз стоял на обочине. Далеко впереди еще виднелась легковушка, встреча скрылась за холмом позади. Алексей кинулся к телефону — на нем застыли сорок минут десятого — сунул его в карман и вышел из машины. Даже не вышел — вывалился. Обошел кругом.

Автовоз стоял на щупленькой лесной дороге; таял утренний сумрак. По обе стороны — березки, сосны... Настойчиво клубился хвойный аромат. Теперь уже, кажется, настоящий. Алексей снова достал телефон, нашел жену и нажал вызов. Но телефон не реагировал — только упрямо плевался ядовитой зеленью.

— Да что ж ты... Ну, давай! — Алексей тряс аппарат; на экране замерло имя жены и сорок две минуты десятого. — Давай же, предатель! Чего как Иванов, в самом деле!

Алексей плюнул, вскрыл заднюю панель, вытащил аккумулятор и сразу же вставил. Включил. Телефон медленно возвращался к жизни. Мужчина поглядывал то на него, то на машину, то вокруг. И на очередном круге заметил невысокую елочку. Она одиноко торчала среди других деревьев чуть в глубине лесопосадки. Такая как раз уместилась бы в их комнатке, подумал Алексей; и еще — точно такая же была у него в детстве. Он почему-то счел это добрым знаком и решил не медлить — упрятал в кар-

ман телефон, достал из машины буксировочный трос, небольшой ножичек, натянул шапку и пошел к елке.

Только каждый шаг давался с трудом: Алексей оступался, проваливался в снег, соскальзывал в ямки, тонкие ветки кустарников и погибшая по осени трава путали ноги. У елки он оглянулся на автовоз, отсюда цветастые машинки казались совсем крошечными, ненастоящими, придуманными. Алексей вернулся к сосне, отряхнул ее от снега, притянул к себе, сделал глубокий вдох — и ничего. Затем еще раз и еще. Хвоей не пахло; но не пахло и ничем другим. Алексей подносил к лицу ладони, одежду, трос, отрывал пряди иголок — но нет — все потеряло свой запах.

Одновременно с тем со стороны автовоза стали доноситься голоса, зачем-то оставались машины — наверное, хотели поглядеть, как какой-то чудак сражается с бедной елкой. Но Алексей ни на что не отвлекался — он остервенело рвал ветку за веткой, принохивался и бросал под ноги. Всю землю вокруг устелили еловые лапы, зеленые брызги иголок. Слетела на землю шапка, и вывалились телефон, нож, и распустился под ногами трос. А когда уже не осталось веток, Алексей ухватился за ствол, поближе к корням, и дернул со всей силы. В ту же секунду — только и успев зажмуриться — он провалился ногой в какую-то пустошь. Раздались треск, свист и яркая красная вспышка — в небе ли, в голове... Алексей не понял. Возможно, как и полагается, это вспыхнула на вершине молодой сосны та самая красная звезда из детства.

Вновь запахло хвоей, Алексей открыл глаза.

* * *

У автовоза стоял наряд ДПС.

Алексей наблюдал, как люди в форме осматривают место происшествия, как кружат вокруг автовоза, смотрят на его зарывшуюся в березах морду, заглядывают в пустую кабину; а когда находят сваленные в кювет иномарки — дружно присвистывают.

Чуть позже один из инспекторов усмотрел следы, уводящие в лес, и теперь Алексей наблюдал за приближающейся фигурой инспектора. В конце концов он смог различить даже звание — всего лишь сержант.

— Что, не захотелось за иномарочки платить? — спросил он. — Хотя правильно, за такую грудку металлолома тебе уже не расплатиться.

У ног инспектора в еловых ветках ядовитой зеленью пульсировал магический артефакт. Сержант посмотрел на телефон, затем вновь на Алексея; долго не решался, но все же ответил на звонок.

— Слушаю, — ответил инспектор. — Сержант Собакин. Это кто? Вы жена? Как вас... Наталья. Наталья, тут...

Сержант смотрел прямо перед собой — туда, где на уровне его глаз покачивались ботинки водителя автовоза.

— Тут такое дело. Трагедия...

Алексей хотел возразить: никакой трагедии, он всего лишь собирается привезти сыну елку — только не мог произнести ни слова. Сержант же продолжал бубнить.

— ...Трагедия, трагедия, трагедия...

Его голос звучал то отчетливо и рядом, то отдалялся, становился неразборчивым, потом и вовсе исчез. А со стороны автовоза раздался яркий свет. Должно быть, наряд включил фонари: вокруг давно уже случились сумерки. По снегу и стволам заматались тени; фонари приближались — становились ярче, казалось — множились, пока в конце концов все поле зрения Алексея не застила белая пелена.

Нестерпимо несло елкой.

* * *

— Алексей, Алексей! Леша...

Голос далекий; и одновременно очень близкий.

— Алексей, Леша, Леша...

— Пожалуйста, выйдите! — другой голос, чужой. — Все в порядке, это наркоз.

Аромат терпкой древесной смолы доносился откуда-то слева, где ярче свет и мелькали тени. Алексей потянулся...

— Аккуратно, аккуратно! — опять этот чужой голос. — Позовите Сергея Ивановича, пожалуйста.

Мешанина голосов, а затем руки, много рук — по ногам, животу, под голову — множество рук очертили его тело. Алексей вдруг осознал свой небольшой рост и щупленькое тельце. И все-таки тянулся к свету.

— Сынок, тихо, тихо, — первый голос. — Спокойно, Леша, все хорошо. Тихо, тихо...

Алексей стал различать голоса — и голос был женским, не чужим, очень знакомым. Он вспомнил, что его владелец часто плакал; а еще говорил, что их дом вечно воняет борщом, табаком и другим грубым словом, и просил чаще убираться. Но этот человек всегда оставлял Алексею свет в конце коридора...

— Отойдите, отойдите! — а вот совсем чужой голос, мужской. — Не мешайте! Дайте врачу... Пропустите!

Алексей не оставлял попыток вырваться из непослушного тела, тянулся к еловому аромату, который, кажется, заполнил уже все вокруг.

— Может, какой-то укол поставить? — новый голос, мужской, растерянный. — Это из-за операции?

Этот голос Алексей слышал гораздо реже первого. Но именно он рассказывал ему про большие машины — фуры и автобусы, рассказывал про свое детство и про елку. Иногда голос кричал, и что-то гремело рядом; а еще постоянное зеленое свечение...

— Руки ему, руки придержите! Не надо ничего ставить! Это наркоз, наркоз отходит! Операция прошла...

Но Алексей хотел добраться до елки: он обещал сыну елку, он не мог вернуться без елки. Он и сам хотел пойти на елку! Должен пойти на елку! Впервые... От этих мыслей перехватило дыхание. Алексей напрягся — постарался протянуть руки, подняться, разлепить глаза, вырваться, вдохнуть... Но тут же одновременно и выдохся. Обмяк и, кажется, начал проваливаться — не то в сон, не то сквозь землю — и все руки его вмиг отпустили, и успокоились знакомые и чужие голоса.

Леша открыл глаза.

Он увидел однотипный ряд пустых больничных коек и стол у окна; а на столе под ярким солнечным светом — вазу с еловой лапой. На ней одиноко повис красный новогодний шарик и поблескивали бусы. Еще на столе кто-то разложил его машинки — грузовичок и несколько маленьких разноцветных.

Рядом с кроватью стоял мужчина в белом халате — врач, наверное. А в ногах женщина в слезах — мама, наверное. За плечи ее придерживал мужчина — наверное, папа. Позади него — над правым плечом — часы и две минуты одиннадцатого утра.

Леша принялся.

— Елка совсем не пахнет, — сказал мальчик. — Почему она не пахнет?..